

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИАТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Формирование новой геополитической геометрии и стереометрии современного мира в условиях фундаментальной перекройки карты политических отношений после крушения СССР и всего блока социалистических стран обострило и актуализировало ряд старых проблем (признание политических результатов Второй Мировой войны, нерушимость послевоенных границ в Европе, международное право и национальный суверенитет и т. п.), а также породило целый ряд новых проблем («однополярность» – «многополярность» мира).

В стремлении обезопасить себя от крайних проявлений процессов глобализации, попыток монополизировать мировое политическое пространство со стороны США и блока НАТО, с одной стороны, и сформировать внятные основы суверенной государственной политики в этих новых изменившихся условиях – с другой, ряд стран Европы и Азии были вынуждены определить политико-идеологические усилия. Укажем только на страны евроазиатского континента: прежде всего, группа СНГ, страны Восточной Европы (бывший социалистический блок), КНР, Индия, СРВ, МНР и ряд др.

Бывшие социалистические страны Восточной Европы сделали безоговорочный выбор в пользу Западной Европы и блока НАТО. Страны СНГ и, тем более, Россия, в силу целого ряда причин столь однозначного выбора не сделали. Китай, осуществив модернизационный рывок, также озаботился

международно-политическим закреплением своего нового геополитического положения. В политико-идеологическом отношении возникла потребность в новой стратегии и тактике, которая бы опиралась на систему базисных концептов, отличающихся от прежней концепции борьбы двух мировых систем, а с другой стороны, от простого переложения идеи окончательной победы западно-европейской политической парадигмы.

Совершенно естественно, что страны, расположенные на просторах евроазиатского континента, будучи озабочены позиционированием себя как самостоятельной международной силы, искали базы минимально возможного сближения. Понятно, что прежняя политика «мирного сосуществования» оказывалась либо слишком расплывчатой, либо слишком узкой (в прежнем ее социалистическом истолковании). Евразийство как конкретно-историческая культурно-идеологическая концепция со своим хронотопом, социальными носителями и судьбой, несмотря на внешнюю – риторическую, – привлекательность, все-таки было продуктом иной эпохи, иных социальных сил. В настоящее время перед лицом новых реалий начала третьего тысячелетия (новые проблемы, новые вызовы, новые социально-экономические условия и принципиально отличные от прошлого цели) следовало «переопределиться»: евразийский дискурс или евроазиатский?

Минимально необходимая и возможная база сближения ряда евроазиатских стран была сформулирована достаточно быстро. Но остро встал вопрос об использовании возможностей интеграции, используя позитивный опыт Западной Европы и избегая выявившихся негативных сторон.

Более того, стремительное развитие событий в этом регионе и в мире создало новые

социально-политические условия, которые с неизбежностью поставили проблему реформирования всей системы международных отношений. Президент Казахстана Н. Назарбаев выступил с рядом симптоматичных инициатив, чутко уловив «нерв» этой проблематики.

На евроазиатском пространстве – точнее, постсоветском, стали предлагаться и создаваться различные организации сотрудничества: ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС.

В качестве примера, ярко иллюстрирующего весь спектр достижений и вызовов, с которыми столкнулись новые международные организации, можно привести ШОС. Что представляет собой ШОС спустя первое десятилетие своего существования?

1) Прежде всего, стало ясно, что это – «влиятельная региональная структура», т. е. организация, способная эффективно реагировать на вызовы и угрозы нашего времени. Это важное уточнение, хотя делаются попытки экстраполировать пределы влияния ШОС на всю систему международных отношений – Китай является второй экономикой мира, Китай и Россия – постоянные члены Совета Безопасности ООН, обладают ядерным оружием, огромным энергетическим потенциалом. Отсюда внимание к ШОС со стороны других политических «игроков». ШОС пока дистанцируется от участия в решении глобальных проблем – например, экологических.

2) Конкретизированы были «вызовы» и «угрозы» в понимании стабильности и безопасности: это терроризм, сепаратизм, экстремизм и наркотрафик. Причем, весьма заметны различия в понимании содержания этих явлений, причин их существования. И хотя в связи с десятилетним юбилеем ШОС записала в свои достижения упрочение стабилизации социально-политической обстановки в регионе, прошедшие здесь потрясения показали крайне слабое влияние организации на их преодоление (наркотрафик из Афганистана через Среднюю Азию, Казахстан в Россию – не только не сократился, но резко вырос; с «сепаратизмом» и «терроризмом» каждая страна разбиралась

самостоятельно (в КНР – это Тибет и Синьцзян, в России – Кавказ, в Киргизии и Узбекистане – приграничные области).

3) Позитивная программа «сотрудничества» помимо стабильности и устойчивого развития, вплотную подошла к формулированию идеи «региональной интеграции» – как одной из важных задач. Общая цель толкуется как «полноценное развитие каждого из членов организации».

Что действительно объединяет страны ШОС, так это вызовы и проблемы (противоречия, конфликты; роль наследия; конечные цели и текущая политика; вмешательство внешних сил, альтернативные практики и проекты). Все они стоят перед вызовом со стороны более развитых и успешных стран, что в рыночной экономике чревато прямыми угрозами (перекалывание различного бремени на более слабых – последствия финансово-экономического кризиса, издержки индустриального развития, отставание в научно-техническом плане). В этом отношении складывающийся дискурс ШОС оказался созвучным аналогичным поискам стран с так называемым «догоняющим» типом развития: они переживают те же вызовы и угрозы, что и ШОС, по существу, более решительно артикулирует эти переживания, не рискуя выглядеть маргинальными (например, отдельные страны могут достаточно резко заявлять о различных угрозах в мире, но они с подачи США и их союзников наделяются статусом государств со «спорной репутацией» – Венесуэла, Иран, КНДР).

Формирование единого пространства сотрудничества ШОС в настоящее время в гораздо большей степени обеспечивается заявленной волей, чем реальной политикой и экономикой. И более-менее последовательно это реализуется на наднациональном уровне: руководящие органы, структуры, программные и нормативные документы, саммиты и заседания. На национальном уровне различия реальной экономики, социально-политической и культурной жизни сильно меняют смысл и содержание прокламируемых целей и программ.

Если КНР делает упор на «устойчивое развитие китайской экономики путем изменения модели роста», то экономика России страдает от прогрессирующей деградации производственного потенциала и нуждается в фундаментальной модернизации. Сколь различно реальное содержание программ «инноваций» в странах ШОС! Потому весьма сложно говорить об осуществлении согласованных общих программ.

Единое или дискретное – пространство (интеграция versus дезинтеграция или конкуренция)? Сегодня они, все-таки, скорее, дискретны: дозированное сближение и сотрудничество при тщательном «разгораживании» любых национально-государственных рисков. Готовность к тому, что сотрудничество и взаимодействие могут, скорее, оказаться неуспешными, а потому стремление риски минимизировать.

Ключевой сегодня оказалась проблема формирования социального (и, соответственно, экономического, политического) носителя единого пространства и дискурса. Она заключается в неопределенности исходной социальной группы: кто это сегодня – политическая бюрократия, бизнес, средний класс, «креативный класс»? Кто будет такой группой завтра? В социально-экономической сфере сегодня не просматривается какая-то достаточно устойчивая и влиятельная социальная группа, интересы которой достаточно серьезно были бы связаны с сотрудничеством стран ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ (транснациональные корпорации, совместные предприятия, научно-образовательные сообщества?).

Опыт СССР здесь вполне мог бы быть использован: взять хотя бы планомерно создававшиеся территориально-промышленные комплексы, сыгравшие важную роль и в развитии экономик союзных республик, и в развитии прогрессивной социальной структуры, позволявшей эффективно сотрудничать в сферах науки, образования, культуры.

Исследователи проблем интеграции на постсоветском пространстве указывают целый ряд существующих и потенциальных

ресурсов, на которые эти процессы могли бы опереться: это и единое информационное пространство, глобальная трансконтинентальная евразийская транспортная сеть, объединение энергоресурсов для обеспечения энергетической безопасности, общее образовательное пространство. Остается значительное социально-культурное наследие (общность исторических судеб, участие народов главнейших событиях XX века), общие компоненты в литературе и искусстве, общность сохранившихся традиций общения народов, межнациональные браки, «народная дипломатия», приграничные связи. Большие возможности таятся в наличии «ядра» интеграции – союзе России и Казахстана.